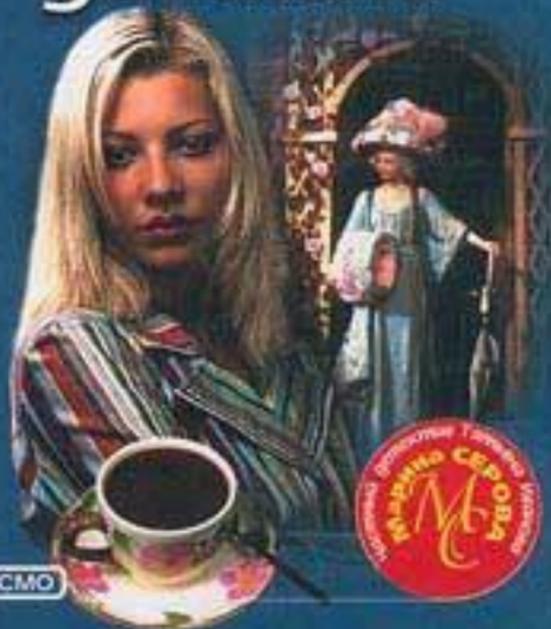

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

Темные делишки

ЭКСМО

Марина С. Серова
Темные делишки
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167232

Темные делишки. Дьявольский вкус смерти: Эксмо-Пресс; М.: 2001

ISBN 5-04-008582-6

Аннотация

В кои-то веки выбралась частный детектив Татьяна Иванова в театр не по делу, а на премьеру, которой открывался сезон. Одну из главных ролей должна играть ее старая знакомая Аня Зорина. И надо же – замена. Молодая талантливая актриса так и не появилась на сцене. В ночь перед премьерой она заснула... и не проснулась. Передозировка снотворного. Татьяна Иванова ни минуты не сомневается в том, что это чей-то злодейский умысел, а не самоубийство или случайность. Она берется распутать эту подозрительную историю и выясняет, что свою подругу Татьяна знала не так уж хорошо – оказалось, что на совести Ани Зориной весьма темные делишки...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Темные делишки

Глава 1

Несомненно одно: со времен Шекспира мир существенно не изменился. Он по-прежнему остался театром, в котором каждому предназначено играть свою роль в пьесе. А вот какого рода окажется эта пьеса – комедией или трагедией – выбирать самому «актеру»...

Так размышляла я, неприязненно наблюдая через стекло своей выдавшей виды «девятки» за разношерстной публикой, стекающейся пестрым потоком к главному входу тара-совского драмтеатра. Не люблю попусту терять время, но подруга моя Ленка, как обычно, опаздывала, и мне ничего не оставалось, как дожидаться ее в машине, что отнюдь не вызвало радостных эмоций. Посему неудивительно, что меня потянуло на философствование: я пребывала в мрачном расположении духа.

С некоторых пор театры – культурные «эпицентры» города – стали пользоваться популярностью у самых разных слоев населения. Теперь кого тут только не встретишь! Скромные и малоприметные силуэты истинных ценителей искусства затерялись в шумной и разодетой в блестящую мишуру

толпе.

Ленкиной худенькой фигурки в извечных джинсах среди них пока тоже не видно. А раз так, продолжаем язвить.

Вот, к примеру, прямо к самому крыльцу подкатил шикарный черный джип, из которого вышла колоритная парочка: он – ни дать ни взять «светский лев», а его дама – в меховом мантио несмотря на теплую, я бы даже сказала, излишне жаркую для начала октября, погоду. Судя по всему, они явились, дабы удостоить своим посещением церемонию открытия нового театрального сезона и, быть может, слегка скрасить своим сверкающим видом мрачноватый интерьер зала. Что называется – других посмотреть и себя показать...

И зачем я только сюда притащилась? Терпеть не могу эту вычурность и карнавальность барочной эклектики, отдающую дешевой подделкой. Поддалась, как последняя идиотка, на уговоры!

С досады я вытащила сигарету и закурила, приспустив стекло в дверце с моей стороны.

А все она, моя «старая» подружка с ее неиссякающим запасом фантастических идей. Впрочем, своему буйному воображению Ленка придает преимущественно образовательное направление, так как другим способом увлечь французским языком школьников-балбесов практически невозможно. Вот ей и приходится изошряться: то устроит бальный вечер, на котором изъясняться нужно в соответствии с общепринятыми манерами эпохи начала девятнадцатого века ис-

ключительно на французском, то объявит грандиозную игру-викторину.

Теперь ей в голову пришла очередная суперидея: поставить бессмертную комедию Бомарше усилиями школьного театрального клуба, да не как-нибудь, а в оригинале – на французском! И тут очень кстати подвернулось открытие сезона премьерой «Женитьбы Фигаро», да еще с обновленным составом труппы.

Ради этого она и вытащила меня из дому в чудесный субботний вечер, в самый разгар долгожданного уик-энда. Впрочем, это всем нормальным людям предстояли спокойные дни отдыха, а мне, Татьяне свет Александровне Ивановой, с моим напряженным 24-часовым рабочим графиком безмятежное пребывание в состоянии сладостного ничегонеделанья явно не грозило.

Поскольку из всех разновидностей жизненных драм я отдала предпочтение детективу, а из всех ролей выбрала незавидную роль сыщика, то и судьба-режиссер относилась ко мне в соответствии с жесткими правилами жанра. Она то и дело подкидывала мне одну работку за другой, причем чаще всего выбирала для этого самые неподходящие моменты, безжалостно вырывая меня из редких минут отдыха и развлечений.

Но сегодня ей это не удастся. Я пообещала себе, что после окончания спектакля весь оставшийся вечер проведу с моей любимой подружкой Ленкой-француженкой – посидим

на моей кухне, как в старые добрые времена, посмакуем кофе с ликером, поболтаем по душам...

Ага, вот и она. Надо же, на сей раз стащила с себя джинсы, променяв свою «вторую кожу» на классический темно-синий костюм! Издали было заметно, что Ленка торопится изо всех сил, стараясь по возможности не потерять элегантность и непринужденность созданного имиджа. Я взглянула на часы: минутная стрелка уже тонким намеком бросала тень на начало седьмого. Небрежно отбросив сигарету, я вышла из машины и поспешила подруге навстречу.

* * *

В холле драмтеатра уже никого не было: публика заняла свои места в зрительном зале. Лишь возле входной двери осталась кучка студентов, атакующая грозную контролершу, с ног до головы закованную в броню неприступности. Вход был пущен весь антураж имеющихся в наличии «боевых орудий» – от молящих просьб, способных растопить лед в сердце любого человека за исключением вахтеров и контролеров, вплоть до прямых требований. По собственному опыту я догадывалась, чем дело закончится: во времена счастливой, но безденежной студенческой юности я и сама не раз штурмовала двери театров, но большей частью безуспешно.

Похоже, я увлеклась, наблюдая за напряженным сражением, потому что Ленка нетерпеливо дернула меня за руку:

– Пошли скорее, что застыла как вкопанная?! Сейчас спектакль начнется! Какие у нас места?

– Партер, седьмой ряд, девятое и десятое, – автоматически выдала память.

– Ух ты! – восхитилась Ленка. – И как тебе удалось достать самые лучшие места всего за два дня до премьеры?!

– Хотелось тебя порадовать, – буркнула в ответ я. – Знаешь же, что для меня нет ничего невозможного. И отпусти в конце концов мою руку! К счастью для таких недотеп, как мы, в нашей стране ни одно публичное мероприятие не начинают вовремя. Точность – вежливость королей, а у нас постарались изничтожить как царствующих особ, так и сопутствующие им качества.

В доказательство моим словам прозвенел третий звонок, несмотря на то что прошло уже восемь лишних минут.

– Ой, да ты, подружка, не в духе! Что это на тебя нашло? Перестань ворчать, как старая карга. Но с билетами ты просто молодчина! За это тебя ждет сюрприз! – интригуяще произнесла Ленка, пробираясь между рядами к нашим местам.

– Что еще за сюрприз? – насторожилась я.

С той самой поры, как я занялась деятельностью частного детектива, мне отчего-то перестало нравиться это слово. Как правило, все «сюрпризы», которые выпадали на мою участь, являлись последствиями преступных деяний тех или иных личностей и принимали весьма неприглядный вид трупов.

Очень не хотелось мне подобных сюрпризов сегодняшним вечером, поэтому как только мы уселись на свои места, я потребовала от подружки немедленного признания.

– Выкладывай, что там у тебя! Сама знаешь, я сюрпризов не люблю. К этому словечку, словно к магниту, прилипают всевозможные неприятности, уготованные на мою долю. Так что раскалывайся, не тяни!

– Ну, хорошо, хорошо, – согласилась Ленка, копошась в сумочке в поисках очков. – Так и быть, скажу тебе. Помнишь Аню Зорину? Так вот, она в этом году закончила театральный факультет и вместе с некоторыми из своих однокурсников устроилась работать сюда, в драмтеатр! Как ты уже наверняка догадываешься, она играет и в сегодняшней версии «Женитьбы»! Попробуй вычислить, кого именно? Ну же, пусти в ход свою прославленную дедукцию! А пока ты будешь ломать голову над этой задачкой, я тебя огоршу еще одной вестью: после премьеры Анечка собирается устроить банкет. Я звонила ей вчера, чтобы узнать, в сегодняшнем или завтрашнем спектакле она играет, и заодно набилась на приглашение!

Пропуская мимо ушей дальнейшую торопливую речь неугомной подружки-болтушки, я на мгновение перенеслась в недалекое студенческое прошлое. Девушка, имя которой назвала Ленка, была именно оттуда. Ее образ отчетливо высветился в моей памяти.

Разве можно забыть Анечку Зорину? Среди всех перво-

курсниц театрального факультета, с которыми мне довелось общаться, она была самой очаровательной. Слегка вьющиеся, светлые и необычайно мягкие волосы, огромные голубые глаза, окаймленные густой бахромой черных ресниц, точный носик, красиво очерченная линия губ, едва заметная кокетливая ямочка на подбородке – чем не ангел? Образ идеальной женщины, мечта любого мужчины! Правда, брови вразлет выдавали упрямость и непокорность ее своенравной натуры.

Даже я, длинноногая блондинка с зелеными глазами, чувствовала тогда, что в чем-то проигрываю Анечке, этому ангелу во плоти. Позже я догадалась, в чем именно уступала ей: в моей внешности недоставало хрупкости и нежности, которые так прельщают любого мужчину и которых у Анечки было хоть отбавляй.

Еще бы! Ведь рядом с такой беззащитной и утонченной леди каждый представитель сильной половины человечества может чувствовать себя без пяти минут суперменом. Со мной же у них этот номер никак не проходил. В отличие от Анечки, я за словом в карман не лезла, при случае и по морде врезать могла, да и вообще была жуткой язвой и стервой, за что и получила соответствующую кликуху – «Ведьма». Хотя, вполне может быть, что этим прозвищем меня наградили за пронзающий насквозь взгляд, обладающий, как меня уверяли, какой-то особенной, даже магнетической силой...

Настойчивый Ленкин голос вернул меня в настоящее.

– Вот же ее фамилия! Смотри! – подружка совала мне под нос программку, не дождавшись результатов моего «логического анализа», которым я якобы была занята в эти минуты. – Читай: Сюзанна – А. Зорина! Видишь?

Но увидеть что-либо в программке мне не удалось: в этот момент в зале потушили свет, что знаменовало начало спектакля. Пришлось поверить Ленке на слово, что Анечка играет роль сообразительной и лукавой Сюзанны, хотя на месте режиссера я бы скорее дала ей роль графини. Надеюсь, Анечка не утратила присущей ей пластичности и гибкости при создании образа. Посмотрим, какая из нее вышла Сюзанна. В первой сцене, если мне не изменяет память, должна быть именно она.

Ленка уже вооружилась нелепыми очками и в ожидании смотрела на сцену. Я тоже перевела взгляд на декорации, решенные в модернистском духе. Зазвучала музыка увертюры к одной из опер Моцарта, на сцене появилась Сюзанна. Интересное дело! Если с памятью у меня все в порядке, то, может, глаза подводят? Я прислушалась к тембру голоса актрисы... Нет, в то, что это Анечка Зорина, верилось с трудом.

Я с подозрением посмотрела на Ленку:

– Сюрприз продолжается?

В ответ подруга протерла стекла очков носовым платочком и снова уставилась на Сюзанну. Спустя несколько секунд, видимо, убедившись в том, что это не обман зрения и не эффект мутных стекол, она повернула ко мне вытянув-

шеся от удивления лицо и прошептала:

– Не она. Определенно – не она. Но почему? Я ведь вчера лично спрашивала у нее...

Судя по неподдельной реакции Ленки я поняла, что замена актрисы произошла едва ли не в последний момент перед спектаклем. Мое сердце тревожно забилося в предчувствии какой-то беды: не зря свет погас в тот момент, когда я хотела прочесть имя Анечки в программке, да и слово это проклятое – «сюрприз»...

Но хуже всего было то, что роль Сюзанны на сцене исполняла Катя Маркич – бывшая однокурсница Анечки, ее конкурентка и постоянная соперница. В свое время между девочками постоянно вспыхивали мелкие ссоры и даже скандалы: им было трудно поделить между собой роли, на которые в равной степени претендовали обе. Кто знает, вдруг этот конфликт со временем обострился? В любом случае появление Кати вместо Анечки в контексте их былых отношений выглядело более чем подозрительно.

* * *

Один бог знает, сколько усилий мне потребовалось для того, чтобы сохранять выдержку и досмотреть спектакль до конца первого акта! Но как только начался антракт, я бросила подружке:

– Попробую прорваться за кулисы и узнать, почему Аню

заменяли. А ты поспрашивай у продавцов программ и у администратора.

Ошеломленная Ленка даже кивнуть в ответ не успела, так как я уже торопливо покидала зал, смешавшись с выходящей толпой. При выходе из зрительного зала плотная масса народа разделилась на два равномерных потока, один из которых потянулся вверх, в буфет, на ходу привычно выстраиваясь в очередь, а второй – вниз, в совершенно противоположное по своему назначению помещение.

Я же, не присоединяясь ни к одному ни к другому, направилась прямо к выходу. Благо, октябрь еще хранил остатки тепла бабьего лета: мне не пришлось терять время на посещение гардероба.

Незаметная дверь служебного входа, располагающаяся с противоположной стороны здания, была незаперта. Открывая ее, я лихорадочно придумывала повод – ведь нужно же было как-то представиться тому, кто попадетс я мне под руку, аргументировать свой повышенный интерес к обычной замене, которая по той или иной причине настолько часто практикуется во всех театрах, что на это никто не обращает внимания, даже самые закоренелые театралы.

Я вошла в темный извилистый коридор, который привел меня к вахте. За застекленной перегородкой на меня из-под очков устремился пристальный изучающий взгляд. Не признав во мне одну из «своих», дежурная старушка деловито осведомилась:

– К кому пожаловала, красавица? Что-то я тебя не припоминаю.

– Я к Зориной Ане. Может, знаете такую? Она недавно у вас в театре работает.

– Как же, как же! Знаю! – оживленно закивала головой старушка. – Ангел, а не девушка! А ты кем ей будешь?

– Двоюродной сестрой, – не моргнув глазом, брякнула я. Не знаю уж, как насчет схожести внешних данных, но по степени одаренности актерским талантом мы с Анечкой, помнится, были равны. Страшно вспомнить, сколько раз в своей нелегкой профессиональной деятельности мне приходилось прибегать к способности перевоплощаться и выдавать себя за кого угодно, чтобы выведать необходимую для расследования информацию!

Заметив, что вахтерша недоверчиво осматривает меня с ног до головы, я поспешила добавить:

– Я только что с поезда! Она писала, что сегодня у нее премьера спектакля. Но к началу я не успела, а очень хочется ее увидеть в такой день. Хотя бы за кулисами! Пожалуйста, позовите ее! Или пустите меня в ее примерную...

Я умоляюще посмотрела на старушку. Роль наивной простушки сейчас не очень-то соответствовала моему внешнему виду. Особенно ярким контрастом со словами и жалостливым выражением физиономии выглядели черные обтягивающие брюки, а также довольно эффектный вечерний макияж. Одним словом, я не производила впечатления челове-

ка, приехавшего только что с вокзала. Как же я об этом сразу не подумала? Оставалось надеяться на то, что старушка не слишком бдительна.

Но ответ прозвучал строгий:

– Что ты, никуда я тебя не пущу! Во время спектакля вход посторонним строго воспрещен. И Аню позвать не могу: заменили твою сестру сегодня утром, нет ее в театре.

Сказала, как отрезала. Я сделала еще одну попытку:

– А вы случайно не знаете, что с ней случилось? Неужели она заболела?

– Не знаю, не слышала. Езжай-ка ты, милая, домой к сестренке. Там все и узнаешь.

Похоже, сегодня и впрямь не лучший день. Я печально вздохнула, по инерции доигрывая роль, и повернула к выходу, обдумывая план дальнейших действий.

Госпожа Неудача довольно редко преследует меня, но если уж прицепится, то надолго. Впрочем, подобные неурядицы только разжигают во мне азарт и волю к противодействию. Моя непокорная натура не позволяет безвольно поникнуть и опустить руки: преграды, вырастающие на пути, становятся лишь стимулом к их блестящему преодолению. Я вновь приняла вызов Фортуны, скорчившей мне жуткую издевательскую гримасу.

Как только я миновала территорию, доступную взгляду вахтерши, мои поникшие плечи гордо распрямились, опущенная голова вновь заняла свою прежнюю величественную

позицию, движения и походка стали решительными и энергичными. Я намеревалась во что бы то ни стало выяснить причину внезапной замены Анечки Зориной!

При выходе на улицу я буквально столкнулась с худенькой темноволосой девушкой, которая довольно уверенно направлялась к вахте, что навело меня на мысль о ее причастности к закулисному миру театра.

– Девушка! – окликнула я ее вдогонку.

Она резко остановилась и обернулась, выжидающе глядя на меня. Я подошла поближе и заговорила чуть более торопливо, чем хотелось бы. Просто что-то во всей здешней атмосфере сегодня настраивало на нервную волну.

– Простите, я только хотела передать записку Ане Зориной...

С этими словами я сделала вид, что полезла в сумочку за бумагой и ручкой.

Девушка помолчала несколько секунд, после чего тихим, но твердым голосом произнесла:

– А вы разве не знаете, что Ани нет?

– Да, мне сказали на вахте, – согласилась я. – Но вы оставьте записку в гримерной до завтра! Она придет...

– Завтра она не придет. Вам не сказали? Аня больше никогда сюда не придет.

– Почему? Ее что, уволили?

– Нет, она умерла. Несчастный случай. Я звонила ей домой: передозировка снотворного.

Глава 2

Ленка – девица впечатлительная и эмоциональная. К тому же над расшатыванием ее и без того слабой нервной системы ежедневно трудились ее ученики. Ее реакцией на принесенную мною из-за кулис весть стала тихая истерика, перешедшая в протрацию. Досматривать комедию Бомарше до конца, ясное дело, мы не стали. Я отвезла Ленку домой, лично напоила ее валерианкой и уложила спать.

Я прекрасно понимала подругу: она с детства знала Анечку, училась с ней в одной школе. Правда, как только Аня поступила на театральный факультет, все ее время оказалось поглощено занятиями, репетициями и новыми друзьями, что постепенно охладило детскую дружбу. Но я с ней познакомилась не без Ленкиного участия. И я с удовольствием вращалась в кругу студентов-театралов, не пропускала ни одного их спектакля или капустника. Эти импульсивные, непосредственные люди с потоком ничем не сдерживаемых эмоций и амбиций оказались близкими мне по духу. Одно время я даже жалела о том, что не учусь вместе с ними, а вынуждена «отвлекаться» на выбранную мной юридическую науку. Впрочем, как я уже говорила, играть в своей жизни мне приходилось не меньше...

Пообещав подруге выяснить обстоятельства неожиданной смерти Анечки, я вернулась к машине. Где-то в записной

книжке должен быть ее адрес. Ага, вот он: Шелковичная, 157. Помнится, Аня жила вдвоем с отцом, так как ее мать умерла еще тогда, когда она училась в школе. Александр Викторович с трудом пережил потерю любимой жены. Представляю, каково ему сейчас, когда он лишился дочери, в которой находил единственное утешение и ради которой жил.

Рядом с адресом был записан и телефон. Я дважды набрала номер по своему мобильнику. В ответ слышались короткие гудки. Наверное, отец Ани снял трубку и положил ее рядом с телефонным аппаратом. Что ж, в подобной трагичной ситуации я бы поступила точно так же.

Всю дорогу перед моими глазами стоял милый образ Анечки. Машину я вела автоматически, благо моя старая «девятка» понимала все «с полуслова» и, можно сказать, сама везла меня туда, куда нужно.

Несмотря на суровую закалку нервной системы – результат приобретенного в процессе профессиональной практики опыта, мне было не по себе. Я до сих пор не могла полностью осознать то, что этой жизнерадостной, сияющей девчонки больше нет. В случайную смерть накануне спектакля не верилось, и моя интуиция упрямо твердила о том, что все не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Итак, я должна взять себя в руки, оставив личные переживания за кадром. Как-никак, я профессионал, а профессионалам не свойственно раскисать. Тем более что предстоял нелегкий разговор с Анечкиным отцом. Я глубоко вздох-

нула и прибавила газу.

* * *

В студенческие времена мне не довелось побывать у Анечки в гостях, поэтому теперь приходилось всматриваться в номера выстроившихся вдоль шоссе коттеджей, напоминающих скорее старинные замки, чем жилые дома. Архитекторы и дизайнеры постарались на совесть для своих клиентов, сотворив из каждого здания неповторимое и уникальное в своем роде произведение искусства. Я только поражалась их неутомимой фантазии, принявшей вид разнообразных башенок, шпилей, вытянутых готических окон, причудливых фасадов...

Аня упоминала, что ее отец – состоятельный человек, но я и не предполагала, что ему под силу выстроить один из таких великолепных коттеджей в самом престижном районе Тарасова.

Ага, вот и он. Выстроенный из бежевого кирпича, с закругленной черепичной крышей, заканчивающейся острым шпилем, этот достойный образец современной бытовой архитектуры величаво возвышался надо мной. Преодолев невесть откуда взявшуюся робость, я шагнула на первую ступеньку высокого крыльца, которое привело меня на просторную открытую террасу с псевдоантичными колоннами, в глубине которой виднелась входная дверь.

На звонок мне открыла немолодая женщина, по-видимому – домработница, в форменной одежде. Я представилась старой знакомой Анечки, и она беспрепятственно впустила меня. Это говорило о том, что двери дома открыты для всех друзей и знакомых молодой актрисы, число которых так велико, что домработница даже не могла запомнить каждого в лицо.

Подсознательно я была настроена на расследование, хотя пока в том не было необходимости. Внешне все выглядело самым невинным образом: сильное волнение перед спектаклем, передозировка успокоительного. Просто несчастный случай. С кем не бывает? Но интуитивно я уже чувствовала, что это не так и что мне предстоит докопаться до истины. Поэтому мой мозг непроизвольно фиксировал детали, которые могут пригодиться в дальнейшем расследовании.

Домработница проводила меня в просторный холл, заполненный ярким солнечным светом, беспрепятственно люющим в огромные окна. В самом центре комнаты начиналась довольно крутая винтовая лестница, которая вела на второй этаж – в личные апартаменты хозяев.

Я прошла по мягкому персидскому ковру и присела на мягкий квадрат-пуфик, один из многочисленных компонентов уголка, включающего в себя широкий диван, четыре кресла и несколько пуфиков. Все предметы мебели были расставлены в хаотическом порядке в правой половине залы и были предназначены для больших компаний.

Посреди этого великолепия стояли два невысоких журнальных столика ручной работы, искусно вырезанные из черного дерева. Они явно не имели постоянного собственного места: видимо, во время сборищ их передвигали в зависимости от того, как расположились гости. На одном из них лежали несколько женских журналов, отпечатанный текст роли Сюзанны с пятнами от кофе на первом листе, пачка дорогих сигарет и до блеска начищенная пепельница. По-видимому, Аня часто сживала в этой комнате, чередуя заучивание текста с одним из наиболее приятных видов отдыха – попиванием хорошего кофеюкю вприкуску с новостями светской хроники, коими переполнены красивые дорогие журналы.

От аналитического исследования интерьера залы меня отвлекло появление хозяина роскошного особняка. Он спулся по лестнице, что позволило мне детально рассмотреть его. Сначала моему взору предстали домашние туфли из мягкой коричневой кожи, вслед за ними – светлые брюки свободного покроя и легкая рубашка в клеточку. Последний изгиб лестницы – и мужчина оказался передо мной.

На вид Александру Викторовичу было едва за пятьдесят. Жизнь наложила суровый отпечаток на его благородное лицо. Редяющие волосы на две трети покрылись серебром седины, высокий лоб перерезали глубокие морщины, в уголках рта образовались складки. Светлые глаза окружала сеть мелких морщин, но из самой их глубины лучился добрый и открытый взгляд сильного, мужественного человека.

Приглашающим жестом он указал на кресла, и мы присели друг напротив друга.

– Здравствуйте, – тихим, но твердым голосом произнес он. – Чем обязан вашему визиту?

– Здравствуйте, Александр Викторович. Не далее как час тому назад, на премьере «Женитьбы Фигаро», я узнала о неожиданной гибели вашей дочери. Прошу принять мои искренние соболезнования. Я – Таня Иванова, старая знакомая Анечки. Лет пять тому назад мы с ней общались в кругу студентов-театралов.

– И что же привело вас в мой дом? – спросил Александр Викторович, безучастно выслушав мою речь. – Как видите, ее многочисленные так называемые «друзья» даже не поинтересовались, где ее тело и когда похороны. Впрочем, мне ее еще не отдали. Обещали к завтрашнему утру. Вечно эта волокита... Так что же вам-то понадобилось?

– Дело в том, что меня насторожило столь явное стечение обстоятельств – внезапная смерть накануне премьеры. Мой профессиональный опыт свидетельствует о том, что совпадения такого рода бывают действительно случайными лишь в двух процентах из ста. Поэтому я решила выяснить истинные обстоятельства этого несчастного случая. С вашей помощью и с вашего разрешения, разумеется...

– Вы говорите, профессиональный опыт, – прервал меня Зорин. – О какой профессии идет речь? Вы из милиции?

– Простите, я не упомянула сразу, – смутилась я и полезла

в сумочку за лицензией. – К числу сотрудников правоохранительных органов я не отношусь. После окончания тарасовской Академии права работала в прокуратуре, но вскоре поняла, что подобная система меня не устраивает. С тех пор получила лицензию и веду частную деятельность по расследованию различного рода темных и запутанных дел.

– Понятно, понятно, – остановил мои объяснения Александр Викторович. Он встал и заходил по комнате, что-то напряженно обдумывая. Через несколько секунд, приняв какое-то решение, снова опустился в мягкое кресло и обратился ко мне.

– Знаете, Танечка, ваш визит как нельзя более кстати. Я как раз подумывал о частном детективе... Милицию в это дело вмешивать никак нельзя: такая шумиха поднимется – потом сплетен не оберешься! Сами понимаете, с моим положением в обществе это исключено.

Александр Викторович внимательно посмотрел мне в глаза:

– Я могу вам доверять?

– Целиком и полностью, – твердостью и уверенностью интонации я постаралась разрушить его последние сомнения. – В свое время мы с Аней были хорошими друзьями, и поэтому я лично заинтересована в деле. Конфиденциальность информации гарантируется.

Александр Викторович облегченно вздохнул.

– Тогда послушайте, что я вам скажу. Ваш опыт, интуи-

ция, или не знаю что там еще, абсолютно правы – это был несчастный случай, как мне сказали врачи. Я больше чем уверен, что ее убили.

Последняя фраза вспыхнула в моем мозгу ярко-красным сигнальным светом. Откуда в нем такая уверенность? С этого момента профессионализм опытного детектива вступил в свои права, сознание заработало на полную мощность. Мне необходимо получить от Зорина как можно больше информации. Не теряя ни минуты, я засыпала Александра Викторовича вопросами:

– Кто и как обнаружил, что Аня мертва?

– Я сам. Утром, когда пришел ее будить.

– Она сама просила вас об этом?

– Да, я привык рано вставать, поэтому дочь не доверяла будильникам, а просила меня будить ее, когда возникала такая необходимость. И в этот раз еще накануне вечером она предупредила, что у нее в девять генеральный прогон спектакля, поэтому встать нужно в семь – в половине восьмого. Я хотел, чтобы она выспалась получше перед премьерой, поэтому поднялся в ее спальню в двадцать пять минут восьмого. Анечка никогда не запирала дверь своей комнаты на замок, поэтому я вошел к ней и, как обычно, попытался разбудить ее. На этом «обычность» закончилась...

– Что вы предприняли?

– Вызвал «Скорую», разумеется. До их приезда я все же надеялся, что Анечка в глубоком обмороке или в состоянии

летаргического сна. Но уже тогда мне в голову пришла мысль о том, что это неспроста... А уж когда эксперты сообщили о изрядной дозе транквилизатора в ее крови, мои подозрения переросли в уверенность.

– Как звучало их заключение?

– Официальная версия – передозировка сильнодействующего успокоительного. Она выглядит вполне правдоподобной: действительно, пяти-шести ампул аминазина достаточно для того, чтобы заснуть и не проснуться. Тем более в положении Анечки.

– В каком положении? – насторожилась я.

– В обыкновенном. Она была на втором месяце беременности.

Вот так новость! Этого я не ожидала. Насколько я помнила, Аня всегда говорила, что не собирается заводить ребенка до тех пор, пока не найдет достойного кандидата на роль отца и мужа. А ее запросы этакой принцессы, окруженной роскошью, отцовской любовью и заботой, были настолько велики, что я сомневалась, что свадьба вообще когда-нибудь состоится.

– Анечка собиралась замуж? – осторожно спросила я.

– Что вы! За кого ей было собираться! Контингент молодых людей, с которыми ей приходилось общаться, не позволял найти надежного спутника жизни. Я говорил ей: зачем тебе этот театр, моих сбережений и стабильных доходов хватит, чтобы прокормить всю твою семью, если ты захочешь

ее создать. Могла бы жить беззаботно и припеваючи... Так нет – без сцены и театра она себя не мыслила. Театр ее и погубил...

Речь Зорина становилась все более взволнованной, голос задрожал, глаза стали влажными. Я поспешила направить мысли отца Анечки в нужное мне русло, пока он окончательно не погрузился в свою трагедию.

– Значит, вам неизвестен отец ребенка?

– Нет, – мой вопрос вернул Александра Викторовича в должное состояние. Ему удалось сдержаться и взять себя в руки. – Я не догадывался о ее беременности. Результаты медэкспертизы оказались для меня сюрпризом.

– Значит, официальная версия у экспертов не вызвала подозрений. В таком случае, на чем основана ваша уверенность в том, что Аню убили?

– Дело в том, что моя дочь ни разу в жизни не принимала никаких снотворных и транквилизаторов. Да и в доме у нас никогда не водилось подобной гадости. В нашем роду испокон веков только сильные духом и выносливые люди! И Анечка была достойным его продолжателем: она умела радоваться жизни. И с ее нервной системой всегда было все в порядке, – с гордостью сказал Александр Викторович и добавил уже тише и спокойнее: – Медэкспертам я об этом, разумеется, не сообщил.

– Но, помимо этого, у вас наверняка имеются какие-то веские причины считать это происшествие убийством? Вы

кого-то подозреваете?

Зорин потянулся к столику за пачкой «Мальборо» и, прежде чем закурить, предложил сигарету мне. Я не отказалась: в данной ситуации совместное курение будет лишь благоприятствовать созданию доверительной атмосферы беседы.

Александр Викторович пододвинул второй столик поближе к нам и водрузил на него пепельницу. Его действия были направлены на заполнение паузы, которая была ему необходима для того, чтобы собраться с мыслями и убедительно аргументировать свое обвинение. Глубоко затянувшись, он откинулся на спинку кресла и произнес:

– Я не в курсе ее личных перипетий – дочь не очень-то делилась со мной тем, что у нее на сердце. Но что касается профессиональных проблем, тут я более-менее в курсе. Знаете, Таня, актеры в большинстве своем настолько самолюбивые и уверенные в себе люди, что чуть ли не все считают себя звездами. И для того чтобы добиться получения главной роли, они способны на все. Даже на физическое устранение других претендентов.

– Вы считаете, что к смерти Ани приложила руку ее дублерша? – догадалась я.

– Да. Я твердо уверен, что так оно и есть, – убежденно сказал Зорин.

– Если не ошибаюсь, речь идет о Катерине Маркич. Их конкуренция на этой почве началась еще с первого курса,

когда они обе претендовали на одну и ту же роль – сначала в этюдах, а потом и в дипломном спектакле. При этом обе девушки в равной степени были достойны.

– Так вы, Танечка, в курсе дела? – удивленно воскликнул отец Анечки. За все время нашего общения он впервые оживился. – Это очень хорошо! Значит, мне не придется терять время на объяснение сложившихся между ними отношений.

– Да, но я не уверена, что с тех пор ситуация не изменилась...

– Можете не сомневаться, – махнул рукой Зорин. – Не изменилась! Они с этой Маркич соперничали на протяжении всех лет учебы. А потом, когда обеих приняли на работу в драмтеатр, их взаимная неприязнь обострилась.

– Как это проявлялось?

– Внешне это почти не было заметно. Аня была умной девочкой и не выплескивала свои негативные эмоции в присутствии окружающих, да и Катя умела сдерживать себя. Однако ссоры между ними все-таки случались. Когда Маркич тоже устроилась в театр, Аня очень сильно переживала, что судьба снова свела их вместе.

– Александр Викторович, – остановила я Зорина. – Для того чтобы обвинять человека в чем-либо, а тем более – в убийстве, одного повода недостаточно. Необходимо знать еще как минимум две вещи: была ли у подозреваемого возможность совершить задуманное и каким образом он мог это сделать.

– В том-то и дело, что возможность была! Вчера вечером, то есть накануне премьеры, Аня собрала у себя нескольких актеров – тех, кто занят в главных ролях. Они хотели проработать некоторые сцены, а заодно устроили что-то вроде вечеринки. Пили в основном кофе.

– Минуточку, с этого момента вспоминайте подробнее каждую деталь, даже самую незначительную! – предупредила я его и вооружилась ручкой и записной книжкой – так, на всякий случай. Хотя моя «феноменальная» (по определению Ленки) память еще ни разу не подводила, будет вернее все же записать некоторые моменты: вдруг информации окажется слишком много для того, чтобы сразу привести ее в порядок и разложить по полочкам?

– Вам наверняка понадобятся имена и фотографии тех, кто был вчера в этом доме? – предположил Александр Викторович. – К счастью, Анечка любила фотографироваться со своими друзьями, поэтому снимков накопилось огромное количество.

Он встал и направился к двери решительным шагом. Это была походка человека, стремящегося уйти от постигшей его беды, как-то отвлечь себя за мирской суетой от осознания огромной утраты и одиночества.

– Эльза Карловна! – крикнул он, выглядывая из дверного проема. – На минуточку, будьте добры!

Домработница, та самая женщина в униформе, которая выпустила меня в дом, незамедлительно явилась на зов. Ее

руки были влажными – вероятно, хозяин отвлек ее от мытья посуды.

– Эльза Карловна, где-то в Анечкиной спальне лежали альбомы с фотографиями. Я бы и сам мог поискать, но у вас на это уйдет гораздо меньше времени.

Женщина кивнула, молча прошла к лестнице и поднялась наверх. Очевидно, она давно работает в этом доме – знает местонахождение каждой вещи, да и способ общения с Зориным налажен отлично.

– А как относилась ваша домработница к Анечке? – понизив голос, поинтересовалась я.

– Что вы! Даже не думайте об Эльзе Карловне ничего подобного! Она любила Анечку, как собственную дочь. К тому же в тот вечер ее не было дома. Она работает три дня в неделю – во вторник, четверг и субботу, но по пятницам приносит выстиранное белье. Вот и вчера забежала на минутку... – Александр Викторович нахмурился и потер лоб, затем уверенно посмотрел на меня. – Нет, нет, и не сомневайтесь, Эльза Карловна не могла это сделать. Она даже не заходила в гостиную!

– Значит, вечеринка состоялась именно в этой комнате? – уточнила я.

– Да. Где же еще? Наверху нет ни одной большой комнаты. Аня всегда собирала здесь свой шумный народ.

– Мебель с тех пор передвигали? Чашки кофейные мыли?

– К сожалению, да. Эльза Карловна пришла, как обычно,

в семь утра и убрала весь бардак, который они тут развели вчерашним вечером.

В эту минуту послышались легкие шаги спускающейся по лестнице домработницы. Она тащила в крепких объятиях три огромных альбома. Зорин принял их, поблагодарив расторопную женщину, бегло посмотрел первые страницы альбомов и протянул один из них мне:

– Вот, в этом самые последние фотографии.

Я открыла альбом и с головой погрузилась в жизнь Анечки Зориной, сотканную из многочисленных фрагментов, запечатленных на пленке, и из рассказов ее отца. Судя по всему, ее окружала огромная толпа народу, и у каждого нашелся бы повод ей позавидовать: Аня была очень красивой, талантливой и на редкость удачливой, поэтому врагов у нее могло быть хоть отбавляй. Зависть человеческая – страшная и губительная сила. Но вот кто из них мог совершить злодеяние?

* * *

Особняк Зориных я покинула, когда старинные настенные часы, украшающие одну из стен гостиной, торжественно ознаменовали полночь. Уходила я не с пустыми руками: захватила один из фотоальбомов, чтобы повнимательнее рассмотреть снимки, а также особо ценный трофей – видеокассету с записью отдельных фрагментов репетиции. Это Анечке пришла в голову мысль записать некоторые сцены, чтобы

потом, в ходе работы, просмотреть запись и увидеть со стороны наиболее существенные недостатки игры. Кассета мне очень пригодится, так как позволит в полной мере проникнуться атмосферой вечеринки и как бы побывать там вместе со всеми.

Уже возле дверей Александр Викторович спохватился и заговорил об оплате моего труда. Поначалу я отказывалась от денег в силу личной заинтересованности делом, а также в память о наших былых отношениях с Анечкой, но Зо – рину не составило труда убедить меня в том, что дружба дружбой, а всякий труд должен быть достойно оплачен. Он с готовностью согласился выплачивать мне мои традиционные «суточные» – двести долларов. На том мы и распрощались.

Анечкин отец долго жал мне руку, не отводя полного надежды взора. В моем лице он, кажется, увидел не только следователя, который разоблачит преступника, но и воплощение высшего Правосудия. Не Татьяна Иванова стояла перед ним, а сама непреклонная Фемида. Зорин старался оттянуть тот момент, когда дверь за мной закроется и ему придется остаться одному в огромном доме, ставшим без любимой дочери пустым и страшным. Я пообещала ему звонить и время от времени сообщать о ходе расследования.

Усевшись за руль, я завела мотор и взглянула на засветившееся табло вмонтированных электронных часов. 00.47. Я машинально вычислила, что на беседу с отцом Анечки ушло целых четыре с половиной часа. За это время «кистью»

Александра Викторовича была нарисована картина вчерашней вечеринки во всех деталях, перед моими глазами калейдоскопом пронесли последние годы жизни Анечки, в ушах слышался ее звонкий серебристый голос, тонувший в гаме и шуме толпы.

Три кружки крепкого свежесваренного кофе помогли мне максимально сконцентрироваться во время нашей беседы и даже благополучно доехать до дома. Но как только я переступила порог собственной квартиры, усталость тяжелой ношей навалилась на мои плечи.

От пережитого эмоционального потрясения и массы полученной информации время словно растянулось, сил совсем не осталось. Бывало не раз, что я попадала в передряги и похлеще, но редко уставала сильнее, чем за сегодняшний вечер. Вернуть меня к жизни и способности мыслить здраво мог только прохладный душ в сочетании с последующим крепким и продолжительным сном, что я и воплотила в реальность, мысленно задвинув дело Анечки в самый дальний «ящик» памяти, несмотря на протесты совести. «Утро вечера мудренее», – утешала я себя, погружаясь в вязкое пространство сна.

Глава 3

Воскресное утро я начала с легкой пробежки по аллеям городского парка, усыпанным шуршащим золотом опавшей листвы. Подобная разминка помогала мне поддерживать хорошую физическую форму, а при случае и избавиться от неприятных впечатлений. Сегодня был как раз тот самый случай: всю ночь меня преследовали кошмарные видения, связанные с историей гибели Анечки Зориной.

Сон был наполнен возникающими и исчезающими во тьме расплывчатыми образами, чередующимися вне всякой сюжетной логики. Из уголков подсознания выплывали разные лица, но крупным планом высвечивались лишь огромные голубые глаза Анечки, которые иногда оплетала сеть мелких морщинок – точно так же, как у ее отца, а иногда они меняли свой цвет на темно-карий, пугающий. Где-то в глубине сознания вспыхивали яркие точки – лица ее знакомых, порой бледным пятном проплывало испуганное лицо девушки, от которой я узнала о чрезвычайном происшествии...

Одним словом, не сон, а бред какой-то! Вероятно, я приняла случившееся слишком близко к сердцу, чего не следовало допускать, поскольку примесь чувств и личных переживаний – самый злостный враг трезвому и объективному рассудку.

Пробежка пошла мне на пользу – сознание прояснилось,

тело обрело легкость и бодрость. Впереди предстояла нелегкая работка – разложить по полочкам всю имеющуюся информацию и продумать дальнейший план действий. Короткий путь от парка до собственной квартиры я прошла пешком, вдыхая полной грудью кристально чистый воздух раннего октябрьского утра. А после освежающего и бодрящего душа я почувствовала себя полностью готовой к предстоящему сражению с несправедливостью и ложью. Сварив чашечку кофе, я забралась с ногами на диван и занялась привычным делом – логическим осмыслением ситуации.

Итак, мы имеем свершившееся преступление и теперь составим «протокол».

Способ – отравление превышенной дозой сильнодействующего транквилизатора путем подливания в чашку с кофе лекарства, добытого преступником из ампул.

Место – просторная гостиная в особняке жертвы, куда не возбранялось приходить никому из знакомых Анечки.

Ситуация – вечеринка-репетиция с большим количеством народу, что во многом благоприятствует успешной реализации замысла преступника и значительно усложняет дело мне.

Время – с семнадцати ноль-ноль, когда начали собираться гости, до двадцати тридцати пяти, когда дом покинул последний из них. Если учесть, что транквилизатор, попавший в организм оральным путем вместе с жидкостью, вступает в действие по прошествии двух или двух с половиной часов, то

мы можем сократить предполагаемый отрезок времени, в который было совершено убийство: Аня должна была выпить свой отравленный кофе не ранее девятнадцати ноль-ноль.

Импровизационную репетицию прерывали на кофе и чаепитие дважды. Первый раз – в восемнадцать ноль пять, причем Александр Викторович сам помогал дочери варить кофе и подавать его гостям. По времени этот «антракт» был абсолютно безопасным для жертвы. Еще раз присаживались за стол немного позднее – в девятнадцать сорок пять, и именно в это время просматривали только что сделанную видеозапись. Идеальный момент для убийцы!

Зорин запомнил время просмотра кассеты так точно потому, что за пять минут до этого приходила домработница с кипой выстиранного белья, а она была хоть и обрусевшей, но все-таки немкой, а посему отличалась пунктуальностью и всегда являлась с бельем в строго назначенное время. Вопреки обыкновению Эльза Карловна задержалась на несколько минут, помогая замотавшейся Анечке разливать по кружкам горячие напитки и нарезать бутерброды. Между прочим, она вполне могла незаметно до – бавить зелье в кофе, но при этом существовал риск, что кружку возьмет кто-нибудь из гостей... Нет, пожалуй, домработница все же ни при чем. У нее ведь, кажется, не было повода желать смерти Ане.

Теперь самое время составить список присутствовавших на вечеринке, так как все они автоматически становятся подозреваемыми. На мое счастье, Александр Викторович в те-

чение всего вечера находился дома, более того – ему пришлось выполнять работу видеооператора, а также открывать дверь и встречать гостей, поскольку у домработницы в пятницу выходной, а дочь была постоянно занята в репетируемых сценах. Это обстоятельство помогло восстановить полную картину прибытия и ухода каждого с точностью до минуты.

Первым на вечеринку явился Фигаро, в жизни прозывающийся Олегом Ростковым, – задорный, подвижный шатен невысокого роста и неопределенного возраста. Роль находчивого и изворотливого слуги подходила к его характеру как нельзя лучше, только подчеркивая особенности его натуры. Пришел он не один, а сразу с двумя Графинями. Одна из них – Наташа Андреева – должна была играть в завтрашнем спектакле, поэтому ее присутствие на вечеринке считалось обязательным, а ее дублерша Лиза Сомова пришла просто так, за компанию с подругой. Обе претендентки на роль Розины меня беспокоили меньше всего: они общались с Аней только на работе, как партнеры по сцене друг другом были вполне довольны, их профессиональные интересы никогда не пересекались, так как Наталья и Лиза по своим внешним данным представляли собой совершенно иной типаж.

Ловелас Ростков, ухаживающий за всеми женщинами подряд, был настолько ветрен и непоследователен, что я сочла его неспособным замыслить подобное преступление, и тем более – совершить его. Такие люди не в ладах с железной

логикой, которая необходима для того, чтобы продумать все ходы запланированного убийства. Слегка посомневавшись, я вычеркнула его и из списка кандидатов на роль отца будущего ребенка Ани: моя давняя знакомая отличалась изысканным вкусом во всем, а уж в выборе мужчин и подавно. Нет, она ни за какие коврижки не поддавалась бы на его обольщения! В том, что таковые имели место быть, я не сомневалась: достаточно было просмотреть видеопленку. Его тоскующий взгляд голодной собаки, устремленный на Анечку, этакую неприступную горную вершину, полностью выдавал неосуществленные мечты о совместных райских ночах вместе с ангельским существом.

Итак, эти трое пришли где-то около пяти. Остальные опоздали: в четверть шестого явился Граф Альмавива собственной персоной под руку с супругой. Валентин Лукьянов – высокий, статный брюнет лет тридцати пяти, в жестах которого даже вне роли проскальзывала и такая аристократическая небрежная утонченность, с налетом некоторой женственности, пользовался бешеной популярностью у женской половины публики.

Александр Викторович говорил, что и в театре женщины его любили. Правда, за что – неизвестно. Сам же Лукьянов относился к противоположному полу с некоторой избирательностью. Свободолюбие и независимость тем не менее не помешали ему в свое время жениться на актрисе, которая была года на три-четыре старше его.

Его жена Римма, худенькая, с острыми чертами лица женщина, играющая в спектакле роль Марселины, была занята в немногих сценах, поэтому на вечеринке преимущественно сидела в уголке дивана и курила, наблюдая за ходом репетиции и время от времени давая советы. Зорин затруднился дать подробную характеристику этой женщины, поскольку совершенно ее не знал, да и Анечка в своих разговорах почти никогда ее не упоминала. Но судя по фрагментарной видеозаписи, Лукьянова производила впечатление замкнутой и неглупой особы. Сочетаниестораживающее: неизвестно, какие мысли скрываются за маской равнодушия. Но то, что этой женщине в жизни приходилось играть трагическую роль, чувствовалось по напряженной сдержанности и холодности, сквозившей в отношениях с окружающими. Интуиция подсказывала мне, что причина ее трагедии – собственный муж. Наверняка Римме нелегко было на протяжении всей жизни мириться с его поклонницами, с его тайнами и явными симпатиями.

Тут мне пришлось остановить себя: ни к чему отвлекаться и перемывать косточки Лукьяновым. Семейные проблемы этой четы касаются исключительно их и больше никого. Так что вернемся лучше к нашим баранам, то бишь к гостям, приглашенным на вечеринку.

Последней из опоздавших, где-то к половине шестого, прибыла Катя Маркич – дублерша и соперница Ани. Из всех приглашенных она одна в моих глазах претендовала на роль

убийцы, поскольку имела веский повод.

Катя, с ее большими зелеными глазами, роскошными каштановыми волосами, крупными и правильными чертами лица, ладной фигуркой и способностью подать себя с наиболее выгодной стороны, была полной противоположностью ангельскому образу Анечки. Кэт, как называли ее в театральных кругах, имела внешность и повадки демонической, роковой женщины, самой настоящей Кармен. И если бы не ее удивительная способность перевоплощаться на сцене, не видать бы ей тех ролей, на которые она пробовалась вместе с Зориной. Катя умела добиваться поставленной цели и использовала для этого все возможные средства. В отличие от Анечки, которая шагала по жизни под руку с Удачей, Кэт всегда пребывала в состоянии борьбы с преградами и трудностями, возникающими на ее пути. Благодаря таланту и необычайной работоспособности девушке удалось достигнуть многого, и в скором будущем она могла бы стать непревзойденной примой обновленного состава драмтеатра. Если бы не Аня, ставшая ей достойной конкуренткой. И Кэт приходилось мириться с тем, что Зорина постоянно, с легкостью опережает ее на полшага. Но в один «прекрасный» момент такое положение ей могло надоесть.

Все вроде бы сходится: повод есть, возможность тоже, алиби подозреваемая не имеет... Смущало меня одно – версия была настолько очевидна и проста, что только из-за этого казалась неправдоподобной. Стала бы Катя Маркич рис-

ковать своей репутацией, карьерой, не говоря уже о свободе, подливая смертоносную жидкость в кружку Ани? Ведь если бы Зорин настоял на том, чтобы делом занялось официальное следствие, она сразу же оказалась бы подозреваемой номер один. Чего-то я в этой ситуации пока не понимаю...

Значит – тупик? Нет, просто нужно отвлечься. И я встала с дивана и прошла на кухню, чтобы сварить еще чашечку кофе. Этот живительный напиток всегда оказывает на мои мыслительные способности благотворное воздействие. А пока кофе готовится, можно сделать парочку бутербродов с сыром. Но только я извлекла из холодильника последний кусочек вкуснейшего «Рокфора» и собралась придать этим скромным остаткам достойную форму аппетитных бутербродов, как раздался телефонный звонок.

«Боже, наверно, это Ленка!» – мелькнула мысль. Вот ведь, бесчувственная я эгоистка, совсем забыла про подружку! Она наверняка с самого утра ждет от меня вестей, а я обо всем выведала и сижу тут размышляю, не позаботившись удовлетворить любопытство моей чувствительной «француженки».

Но вместо взволнованного голоса Ленки в трубке раздался мягкий, приятный слуху баритон. Это был Зорин. Сразу после приветствия он перешел к делу:

– Танечка, дорогая, как хорошо, что я застал вас дома! Я забыл сказать вам вчера, что вскоре после того, как чай подали во второй раз, приходила сестра Кати Маркич – Карина.

Может, вам пригодится эта информация в расследовании?

– Возможно, – кивнула я, отложив сыр в сторону и приготовившись внимательно слушать. – Вспомните поточнее, когда она приходила?

– Я могу и ошибиться, потому что в это время мы все смотрели записанный на кассету материал. Но думаю, что это было в самом начале девятого.

– А зачем она приходила?

– За полчаса до этого ей позвонила Катя и просила занести ключи от квартиры. Девчонки живут отдельно от родителей, недавно переехали.

– Она ушла сразу или посидела с вами?

– Мы как раз включили запись. Все бурно обсуждали ее по ходу просмотра, зрелище было действительно интересное, поэтому девочка задержалась на несколько минут.

В мозгу вспыхнул тревожный сигнал: внимание! Время ее прихода совпадает со временем, когда убийца мог плеснуть жидкость. Может быть, она что-то видела? А вдруг Карина и сама как-то причастна к этому делу? Может, она помогала сестре в реализации ее коварного замысла? Кстати, нужно проверить, нет ли у нее самой личных поводов желать Анечке смерти...

– Александр Викторович, расскажите подробнее, как хорошо Карина была знакома с Аней, насколько часто они общались, – попросила я.

– Карина – давняя и преданная поклонница Анечкино-

го курса, а также всей труппы драмтеатра. Она и сама хотела поступать на актерский, но не решилась, поскромничала. Знаю, что она на протяжении нескольких лет почти каждый вечер сидит в драмтеатре, хотя давным-давно пересмотрела весь репертуар. И как ей только не надоело?

– А как она познакомилась с Аней?

– На занятиях, ведь Карина часто приходила на факультет вместе с сестрой. А когда они закончили учебу и устроились на работу в театр, стала посещать репетиции. Ее уже все в театре знают и пускают беспрепятственно. Местным актерам льстит ее бесконечная преданность...

– Как вы думаете, Александр Викторович, мог ли у нее быть какой-либо повод для убийства?

Мужчина задумался, в течение нескольких секунд из трубки на меня изливалось молчание. Я уж было собралась снова заняться брошенным на произвол судьбы сыром, как Зорин наконец нерешительно произнес:

– Ну, я даже не знаю... Наверно, нет. Нет, определенно, нет. Карина – тихая и спокойная девочка, и кроме театра ей ничего не надо. С Аней у нее никогда никаких конфликтов не было... Я даже не знаю, что могло бы их связывать. Одним словом, я могу сказать определенно: Карине Анечкина смерть была абсолютно не нужна!

– Хорошо, Александр Викторович, спасибо за информацию, – я хотела отключить связь, но в последний момент вспомнила, что не знаю, как выглядит сестра Кати Маркич.

На видеокассете ее не было, так как пришла она уже во время просмотра записи, а есть ли ее изображение на фотографиях в Анином альбоме, я не знала. Поэтому поспешила задать Зорину новый вопрос: – Кстати, Аня когда-нибудь фотографировалась с ней?

– Что-то я не припомню, Танечка, – огорченно произнес Зорин. – Посмотрите в том альбоме, что вы увезли с собой, может, вам удастся ее узнать по моему описанию. Карина немного похожа на сестру – такие же длинные каштановые волосы, густые черные ресницы, глаза – большие, темно-карие. По сравнению с Катей она выглядит более хрупкой и худенькой, да она и ростом поменьше. А уж по характеру и манере поведения совсем на сестру не похожа, как будто не родная вовсе! Катя ведет себя вызывающе, порой дерзко, говорит и хохочет громко, шума от нее, как от десятерых. А Карина другая – молчаливая, скромная. Хотя серой мышкой ее тоже не назовешь: что-то в ней есть волевое, глубокое.

Поблагодарив отца Ани, я положила трубку и занялась наконец сыром, мысленно представляя себе образ Карины Маркич. Нет, такой девушки в окружении Анечки на многочисленных фотографиях ее альбома я не встречала. А это говорит о том, что девушки общались редко и случайно, что подтверждает маловероятность возникновения повода для убийства.

Судя по описанию Зорина, Карина из тех, кого называют театральными фанатками, ничего, кроме сцены и актеров, не

видящих. Пожалуй, не стоит терять драгоценное время на проверку Карины. Если она и замешана в этом деле, то исключительно как помощница сестры, и при проверке первой версии я так или иначе выйду на нее.

Кофе, вылившийся тоненькой струйкой из кофеварки в чашку еще несколько минут назад, постепенно остывал, напоминая о себе превосходным запахом, распространившимся по всей квартире. Подкрепиться сейчас было весьма кстати: после завтрака я намеревалась покончить с предварительным осмыслением ситуации и перейти непосредственно к действиям.

Итак, подведем итог проделанного логического анализа имеющихся данных.

Пока все предельно ясно и просто. Вырисовывается одна вполне реальная версия: Аню убила Катя Маркич по вполне логичной причине – во имя беспрепятственного роста собственного успеха, возможности играть интересные главные роли, которых она заслуживает.

На данном этапе расследования больших результатов я получить не могла. Данная версия, пусть и родившаяся в воображении Анечкиного отца, сраженного горем, послужит для меня отправной точкой. Для начала необходимо выяснить, так ли на самом деле мешала Аня Катерине Маркич в ее профессиональной карьере, как это представляется Зорину. Ведь за годы совместной учебы и работы обеих девушек в драмтеатре могло произойти что-то такое, что в корне

изменило бы конфликтность их взаимоотношений. И Александр Викторович просто может быть не в курсе этого.

Я решительно встала из-за стола и направилась в комнату. Мне нужно было переодеться, собрать некоторые свои «прибамбасы», незаменимые при поиске нужной информации. В моем арсенале имелись различного рода «жучки», скрытая мини-видеокамера, обладающая способностью увеличивать объект съемки, обычный фотоаппарат без вспышки, браслет с вмонтированным устройством, позволяющим следить за передвижениями подозреваемого, и тому подобные штучки в достаточном количестве и ассортименте.

План предстоящих действий четко вырисовался в моей голове. Я собиралась поболтать по душам с вахтершей драмтеатра. Кто лучше знает все подробности закулисной атмосферы? Кому, как не вахтершам, известны все тайны и секреты личной жизни каждого, кто ежедневно проходит через ее «контрольно-пропускной пункт»? А подкатиться к бабушке я решила под видом ищущей приработка малоимущей одинокой девушки.

Конечно, для пущей достоверности мне придется одеться поплотнее, так как я была уверена, что мне предложат что-то наподобие места уборщицы. В безденежных предприятиях, к каковым относится тарасовский драмтеатр, только эта неприглядная должность даже в наши дни процветания безработицы почти всегда остается вакантной. Где-то в шкафу у меня валялись старые, местами протертые до дыр, выли-

нявшие джинсы...

Стоп.

Я так и застыла в неудобной позе, скрючившись в три погибели, пытаюсь дорыться до искомой одежды среди прочего старья, заполнившего с годами до отказа нижнюю полку бельевого шкафа. Я ведь вчера уже засветилась на той самой вахте, на которую сейчас возлагала большие надежды. А вдруг, на мою беду, сегодня дежурит та сменщица, с которой я имела счастье пообщаться в антракте? Старая мымра наверняка запомнила «сестру с вокзала», и теперь она на пушечный выстрел не подпустит меня к своим владениям!

Так, требуется подстраховка. Я вылезла из недр шкафа и снова прошла к телефону.

– Алло, Ленка? Привет! Как ты, оклемалась? Вот и отлично! Мне нужна твоя помощь...

Глава 4

По дороге к драмтеатру я вкратце поведала подруге о том, что мне удалось узнать о внезапной смерти Ани Зориной. Пришлось, конечно, запастись терпением, чтобы выслушать невероятное количество «ахов», «охов» и прочих восклицаний, непрерывным потоком изливавшихся из эмоциональной Ленки в течение всего повествования. В завершение истории я поделилась с подружкой планами своих дальнейших действий и напоследок осчастливила ее:

– Ты, драгоценная моя, тоже можешь внести посильную лепту и помочь расследованию!

– Я? – удивилась Ленка. – Интересно, как?

– Очень просто, – пояснила я, притормозив на красный свет. – Ты должна будешь пройти к вахте и спросить, где здесь можно купить билеты на сегодняшний спектакль...

– Зачем? – недоуменно перебила меня подруга. – Ведь каждый нормальный человек знает, что билеты продаются не с черного хода, а в кассе!

– Не перебивай. – Я была само терпение во плоти. – Представь на минуту, что ты не совсем нормальный человек. Вахтерша в ответ хоть и посмотрит на тебя как на стопроцентную идиотку, но с тебя не убудет! Она отправит тебя к кассе, ты покорно развернешься и уйдешь.

– А дальше?

– Потом ты придешь и расскажешь мне, как она выглядит. Если это седая высохшая старушка в очках, то постарайся как-нибудь выведать, когда придет ее сменщица. Второй раз общаться с ней я не желаю; одной попытки вполне достаточно. Да постарайся присмотреться повнимательнее, а то вдруг у них в театр подбирают на роль вахтерш исключительно седых старушек в очках.

– Так бы и сказала, что посылаешь меня в разведку... – немного разочарованно протянула Ленка. – А я-то уже подумала, что мне предстоит нападать на кого-нибудь с пистолетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.